

верждение помянутых жалованных грамот даны указы за печатями. От описи ж бывшего Сибирскаго приказа дел показано, что кроме вышеписаннаго о поновлении грамот других дел не оказалось. Почему Правительствующий Сенат, имея о их происхождении от предписанных князей подлинные доказательства, в названии их князьями никакого сумнения и не находит. И для того, не соизволит ли ея императорское величество означенным остяцким князьям Якову Артанзиеву и Матвею Тайшину в подтверждение упомянутых данных предкам их

Л. 407. жалованных грамот всемилостивейше пожаловат внов // грамоты ж и за смертью из них Тайшина сделать наследникам его.

Г. Петр Салтыков.

Граф Петр Панин.

Николай Чичерин.

Адам Олсуфьев.

Кн[я]зь Иван Вяземской.

Пометы: на Л. 406 - "исполнян"; на Л. 406 об - "чтено"; на Л. 407 - "подписан 2 ноября 1767", "надворный советник Николай Мотонин", "о подаче доклада о подтверждении сибирским князьям Артанзиеву и Тайшину жалованных грамот", "секретарь Иван Рослов", "с сего определения в герольдию копию принял копист Иван Петров"

РГАДА.Ф.248.Д.3775.Л.406-407.Подлинник.

И.В.Побережников

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (XVIII в.)

Базовой характеристикой народной политической культуры XVIII в. являлся монархизм — представление о самодержавном строе как об идеальном; сакрализация государя; восприятие монарха как отца-«батушки», строгого, но справедливого в отношении к своим «детушкам» — крестьянам, казакам, заводским рабочим; отождествление собственных интересов с интересами царскими. Вместе с тем народный монархизм существенно отличался от официального эталона. Народная политическая культура допускала, в частности, противопоставление правящему самодержцу другого — более «истинного» и «справедливого», но в силу каких-то прикровенных дворцовых интриг вынужденного оставить престол и скрываться. Идеализация покойного государя могла сопровождаться неприязненными высказываниями в адрес ныне царствующего. Подобные случаи описываются документами № 1—2 нашей публикации.

Известно, что в конце 1740-х — 1760-е годы в народной среде циркулировали смутные слухи о том, что в 1730 г. вместо императора Петра II был погребен другой человек; самого же государя — отнюдь не умершего — князя Долгорукие и другие «злые бояре» увезли за море (в Италию), где и заточили: в столп, в стену, в палатку. Легенда распространялась в Вологодском, Пошехонском, Юрьевском, Костромском, Балахнинском уездах, на Урале, в Восточной Сибири (в Киренском монастыре). В 1764 г. в Нижегородской губернии даже появился самозванный Петр —

в действительности однодворец из Кром Иван Михайлов (или Иев Евдокимов)¹. Нам удалось обнаружить более ранний вариант хождения социально-утопической легенды о царе-"избавителе" Петре II (см. документ № 2). В 1736 г. ссыльный Афанасий Охлеста произнес "слово и дело" на другого ссыльного же Василия Тимофеева. По словам Охлесты, В.Тимофеев в присутствии Охлесты и ссыльного М.Колобова говорил на Алапаевском заводе следующее: "Второй де Петр Император жив и обретается на Дону у казаков. Также де и Перваго Петра Императора не было семь лет, а потом воц[а]рился". В.Тимофеев первоначально отрицал обвинение целиком, однако затем признал, что определенные разговоры по поводу Петра II велись. По версии В.Тимофеева, дело обстояло так. В тюрьме Алапаевского завода ссыльный Стефан Васильев якобы рассказал такую историю: "Я де был в Астрахане, и тут приехал с войском светлейший кн[я]зь и пошел в гости к губернатору, и губернатор стал ево спрашивать о имяни; и светлейший кн[я]зь за то хотел ево кортиком сколот, что де тебе дела о имяни спрашивать; и тут де другие г[оспо]да сколоть не допустили". На вопрос Василия о возрасте "светлейшего князя" С.Васильев отвечал, "что де молод и весел з глаз". Якобы именно после этого В.Тимофеев сказал: "Не второй ли де Петр Император жив, что не велит спрашивать". Кроме того, В.Тимофеев в дополнение сообщил о слухах, ходивших в солдатской среде по поводу Петра I. Образ Петра Великого идеализируется: Он "чины все производил, также и потом стал все нужды знать"².

Другое "секретное" дело возникло в 1736 г. на Алтае в связи с критической характеристикой ссыльным Василием Марковым императрицы Анны Ивановны: "Н[ы]не де бабье дело; императрица ничего не знает, а заведуют все судьи, и в народе стало худо". Антимонархические настроения вообще были распространены в 1730-е гг. Так, в 1739 г. рязанский крестьянин Герасим Истомина отказался выпить за здоровье Анны Ивановны, объясняя это тем, что "...я де про бабье здоровье пить не стану, у нас де ныне на царстве царя нет, а баба де что знает, у бабы де волос долог, да ум короток... она де нас разоряет". Очень откровенно высказался по поводу Анны Ивановны крепостной крестьянин Темниковского уезда М.Тимуков: "Какая де она царица, ее де бабье дело, собака де она не Анна Ивановна, взяв бы де ее тут же изрубил". Проанализировав антимонархистские заявления крестьян 1730-х гг., П.К.Алефиренко резюмировала: "Основное нареkanie среди крестьян вызывали несправедливые действия судей, так как последние, по мнению крепостных, должны были защищать их от произвола крепостников, чего они, однако, не делали. Интересно отметить, что крестьяне наивно объясняли преступные действия судей и чиновников тем, что царствовали женщины, лишенные, по их мнению, способностей для такого большого и ответственного дела, как управление государством. Это настроение было довольно широко распространено среди крестьян. Особенно непопулярны были Анна Ивановна и ее правительство. Крестьяне ругали императрицу "канальей", "собакой" и другими "непочтительными" словами³. В случае В.Маркова критика царствовавшей государыни сопровождалась явной идеализацией Петра I: "Первой де Государь император Петр был старовер — и для того де он долго жил на царстве; ево де народом любили — и было добро"⁴.

Следствие по делам В.Тимофеева и В.Маркова проводил на

месте — на Урале — начальник канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н.Татищев. Заметим сразу, что Василий Тимофеев так и не дождался его окончания: не выдержав многочисленных пыток — дыбы, кнута, жжения огнем, — он скончался 7 декабря 1736 г. в тюрьме. На основе татищевских "экстрактов" по секретным делам в Тайной канцелярии была составлена выписка. 20 мая 1737 г. присутствовавшие в Кабинете Ея императорского величества господа министры и начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков вынесли окончательный приговор по делам. Доноситель А.Охлеста был приговорен к отсечению головы за то, что ответчик В.Тимофеев так и не признал до смерти всех предъявленных ему обвинений, а также за то, что Охлеста произнес "слово и дело" не сразу, а по прошествии определенного времени. Свидетель по тому же делу М.Колобов, менявший в ходе следствия свои показания, был приговорен к наказанию кнутом, урезанию языка и каторжным работам навечно. Извет по второму делу — В.Маркова — был признан справедливым, вследствие чего В.Марков был приговорен к отсечению головы. Указы из канцелярии тайных розыскных дел о учинении казни В.Н.Татищев получил лишь 2 июля по дороге из Екатеринбурга (Екатерининска) в Самару. Приговоры были приведены в исполнение ⁵.

Слухи о Петре III — "избавителе", как известно, не прекратили циркулировать в народной среде сразу же после казни Петра III — Е.И.Пугачева; они продолжали распространяться и во второй половине 1770-х и в 1780-е гг. Публикуемый ниже документ №5 повествует о подобных слухах, бродивших в среде российской среднеазиатской (в "Ташкинии", "Ташкинской стороне") диаспоры в начале 1780-х гг. Некий ссыльный казанский поп Алексей Иванов, возможно, бывший участник Пугачевщины, сделавший вполне успешную карьеру в Бухарском ханстве (стал "муллою"; завел гарем из 6 жен), со ссылкой на русского же человека "Гришку" сообщает россиянину посельщику С.Калинину, "будто бы тот бывшей император Петр Федорович жив, в Ташкинии". С.Калинин, по его собственным словам, не поверил священнику-мулле. Однако, едва очутившись в российской стороне, в Семипалатинской крепости, С.Калинин, "напився пьян", начинает задавать вопросы сержанту Федоровскому о Петре Федоровиче: "Нет ли его в Ташкинской стороне?" Документы №6 и 7 также связаны с циркуляцией слухов о "Петре III". В конце июля 1789 г. в Камышинскую комендантскую канцелярию явился человек, называвший себя запорожским казаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным. Затем "казак" стал называться не запорожским, а яицким. Наконец, 6 августа уже в канцелярии генерал-губернатора Воронежского и Саратовского генерал-поручика В.А.Черткова "казак" признался, что в действительности он беглый крепостной князя П.М.Волконского из Симбирской губернии Тимофей Сергеев сын Грошев. Давая показания, Т.Грошев первоначально оговорил атамана Уральского казачьего войска и казачьих старшин в подготовке заговора против государства с использованием имени "Петра III". Обвинение оказалось ложным. Затем последовал фантастический рассказ о 200-тысячном корпусе "Петра Федоровича", который якобы дислоцируется в киргиз-кайсацкой степи на р. Эмбе. Военное и гражданское начальство не очень поверило в правдивость показаний Т.Грошева. Тем не менее караулы были

усилены, в сторону р.Эмбы была организована специальная разведывательная миссия - конечно, "Петра III" не нашли. Но данное разглашение во многом совпадает с прочими слухами, циркулировавшими в России в 1770-е — 1780-е гг. Согласно этим слухам, "Петр III" со своей "силой" располагался то у Черного моря, то на Дону, то в Оренбургском ведомстве, то в Средней Азии и Казахстане, то возле Усть-Каменогорской крепости⁶. Можно предположить, что Т.Грошев, конструируя собственную версию, использовал слухи, которые носились в народной среде. Уникальность разглашения Т.Грошева заключалась в том, что он пытался детализировать описание "силы" "Петра Федоровича" — случай редкий в истории распространения социально-утопических легенд об "избавителях". Нам известно, пожалуй, еще единственное описание "силы" "избавителя", принадлежащее сибирскому самозванцу П.Е.Хрипунову-Головенко, разглашавшему, кстати, тоже в 1780-е гг. По рассказам Хрипунова, "сила" формировалась из донских и запорожских казаков, а также из солдат; при "государе" служили одетые в немецкое платье офицеры и иностранные волонтеры; у "Петра III" имелось около 15 орудий; армия жила зимой в больших казармах, а летом в палатках; сам же "государь" обитал в горнице, охраняемой пешими казаками с ружьями⁷. Описание корпуса "Петра III" Т.Грошевым выглядит менее эффективно: "При моем самозванце находится людей русских сот до двух, живут на острове в шалашах из камышу поделанных, вооруженные ружьями, саблями и копьями. И при палатке две медные небольшие пушки. Где будучи, слышал он, Грошев, что тот самозванец намерен будущего 1790 года осенью, умножа силу, войти ночью в Оренбург".

Вера народа в справедливость государя сопровождалась недоверием к местной администрации, что, в свою очередь, порождало надежду на "милостивый" царский указ, вмешательство непосредственного царского посланника. Подобная надежда создавала благоприятную почву для появления нецарственных самозванцев. Такой самозванец появился в 1765 г. — "сенатский фурьер" Михайло Ресцов, в действительности чебаркульский казак Ф.И.Каменщиков-Слудников. В 1761 г. казак Каменщиков подал жалобу на старшин, обвиняя их в злоупотреблении властью. Следствие по жалобе велось долго — в конце концов самого жалобщика наказали плетью и посадили в тюрьму в Троицкой крепости. К заключенному стали обращаться приписные крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, вотчины Далматовского Успенского монастыря с просьбами о помощи против заводовладельцев и духовных властей. В апреле 1765 г. с помощью крестьян Ф.И.Каменщиков-Слудников бежал из тюрьмы, пробрался в Далматовскую вотчину, а затем под именем "сенатского фурьера" появился в с.Охлупневском ведомства Масленского острога, где возглавил крестьянское волнение. Не опубликованные ранее документы №3 и 4 содержат новые сведения о контактах между Каменщиковым и крестьянами накануне побега, а также об обстоятельствах самого побега и самозванческой эпопеи чебаркульского казака⁸.

Публикация подготовлена в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР" (М., 1990). Все даты приводятся по старому стилю. Документы озаглавлены составителем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 130-132; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*. Новосибирск, 1982. С. 63-64.
2. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 475. Л. 25-27 об.
3. Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30 — 50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 300-308.
4. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 475. Л. 28-28 об.
5. Там же. Л. 29, 32-39 об.
6. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические ... С. 174-185; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989. С. 14-16.
7. Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 97.
8. Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992.

№ 1. 1736 сентября 25. Доношение начальника Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н.Татищева императрице Анне Ивановне о следствии по секретным делам.

(Л. 23). Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей г[осу]д[а]р[ы]не самодержице всероссийской

Всеподданнейшее доношение.

Здесь явились некоторые плуты ис колодников по секретным делам по 1-му пункту, которыми по указу Вашего Императорского Величества я следовал и розыскивал. И оные явились в поношении вашего императорского величества. И те дела к окончанию приведены, ис которых учиня краткой экстракт, всеподданнейше при сем посылаю. И прошу Вашего императорского величества о всемилостивейшем указе, что с оными ваше императорское величество учинить повелит.

Вашего императорского величества всемилостивейшей г[осу]д[а]р[ы]ни всенижайший слуга.

В.Татищев

Сент[ября] в 25 де[нь] 1736.

Екат[еринбург]

РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.475. Л.23. Подлинник.

№ 2. Не позднее 25 сентября 1736 г. Экстракт из роспросных и пыточных речей по секретным делам по 1-му пункту:

(Л. 25). 1. Присланных из Алапаевского завода ссыльных Афонасей Охлесты с товарищчи.

Маия 21 числа 1736-го присланным доношением из Алапаевской заводской канторы управитель Калачев объявил, что ссыльной Афонасей Охлеста 4 числа в ночи в 6 человеках с того Алапаевского завода бежал и, будучи в том побеге, учинил с протчими грабеж и две татбы, а на третьей 7 числа пойман. И после роспроса сказал за собою слово и дело г[осу]д[а]р[е]во, по которому суда оного 21-го числа и прислан. А здесь об оном показал, что знает слово и дело такое. В бытность ево в Алапаевском заводе в тюрьме сказывал ему ссыльной же Василей Тимофеев: "Второй де Петр Император жив и обретается на Дону у казаков". А

зачем — того не сказал. "Также де и Перваго Петра Императора не было семь лет, а потом воц[а]рился". И как те слова говорил, при том был ссыльной же Матвей Колобов. И оные де Тимофеев и Колобов остались в Алапаевском заводе.

И потому для взятъя и привозу оных суда под крепким караулом послан туда нарочной того ж числа.

24 числа оной посланной, возвратясь, объявил, что оных ссыльных привез, токмо из них Василей (Л. 25 об.) Тимофеев дорогою перерезал топором себе горло, которой топор положил в деревне ямщик для починки дорогою телеги. Но привезен жив. И как зашили, спрашиван и сказал, что таких слов Афонасею Охлесте не говаривал и на Матвея Колобова в том шлется.

Того ж числа Матвей Колобов сказал, что между собой оные Охлеста с Тимофеевым какие слова о [осу]д[а]рях Первом Петре и Втором Императорах говорили ль, не слышал.

Того ж числа Матвею Колобову с Афонасьем Охлестой дана очная ставк[а], на которой показали, а имянно.

1. Охлеста сказал, что те слова подлинно слышел.

2. Колобов сказал, как те слова говорил Василей ему, Охлесте, как от него, Охлеста, показано в доносе, подлинно слышел, а перво де не сказал бояся розыску.

Того ж числа оной Колобов пытан и сказал: Василей Тимофеев на Алапаихе говорил, что Первой де Петр Император не был в Москве 7 лет и ц[а]р[и]цу де брюхатую сослал в м[о]н[а]с[т]ырь; и как родила с[ы]на, то де ево сослали на дон — и Петр де Второй Император на Дону уже; а болше того не говорил. Дано ему 10 ударов.

31 числа Матвею Колобову с Васильем Тимофеевым дана очная ставка, на которой показали.

Колобов сказал против последняго своего роспроса, а болше де не слышал.

Тимофеев сказал, что тех слов, как Колобов и Охлеста показали, не говаривал, токмо говорил, (Л. 26) сидя в тюрьме в Алапаевском заводе к словам ссыльного Стефана Васильева, которые он говорил, а имянно: я де был в Астрахане, и тут приехал с войском светлейший кн[язь] и пошел в гости к губернатору, и губернатор стал ево спрашивать о имяни; и светлейший кн[язь] за то хотел ево кортиком сколоть, что де тебе дела о имяни спрашивать; и тут де другие [госпо]да сколоть не допустили. И он, Василей, ево, Стефана, спросил: каков он собою — молод или стар. То он сказал, что де молод и весел з глаз. И Василей сказал: Не второй ли де Петр Император жив, что не велит спрашивать. А и о первом де Петре Императоре у старых салдат он, Василей, слышал, что чины все производил, также и потом стал все нужды знать, а болше того ничего не говорил. И как те слова говорил, при том оные Колобов и Охлеста были.

Колобов сказал: В тюрьму к нему Василью и другим ходил, токмо он, Василей, те слова говорил ли, не слышал.

Охлеста сказал, что с ним, Васильем, в тюрьме на Алапаевском заводе сидели, а как те слова, которые он показал на очной ставке, говорил с Степаном Васильевым, не слышал.

Августа 21-го числа оные Тимофеев с товарищы пытаны и с пытки показали.

Тимофеев утверждался на том, как в очной ставке сказал. Дано ему 36 ударов.

Колобов сказал, что таких слов от него, Тимофеева, не слышал. А что прежде сказал напрасно — испужавшись. Дано 18 ударов. (Л. 26 об.) Охлеста утверждался на прежних своих словах, что подлинно от него, Василья, слышел. Дано 27 ударов.

26 числа свидетель Колобов в третьей раз пытан и сказал, что он в прежнем роспросе показал о ц[а]р[и]це брюхатой и пр[очее] — оное затеял на себя напрасно и таких слов ни от кого не слышал. Дано ему 29 ударов.

28 числа Василью Тимофееву с доносителем Афонасьем Охлестой в застенке дана очная ставка, которые с пытки показали, а имянно.

Тимофеев сказал против первой очной ставки. И оной де Стефан Васильев, котораго к словам те речи говорил, остался от него в Алапаевском заводе в тюрьме. А на хлеве вместе с ним, Охлестой, и Колобовым не бывал. И колобову таких слов, что хозяин де с[ы]на своего бранит, а тебе де, Матвей, наветки (ветошь, поношенная одежда — Прим. сост.) дает, чтоб ты шел навоз возить, — не говаривал. И хворой на другом хлеве был ли и как зовут — не знает. Дано 40 ударов.

Охлеста сказал против первого своего доноса, что подлинно от него, Василья, те слова слышел в то время, как вышли ис тюрьмы и сидели на хлеве при Матвее Колобове. И после де тех слов он, Матвей, как хозяин с[ы]на своего стал бранить — для чего де долго лошади к воске из двора навоза не впрагал. И на оное ему, Колобову, Василей Тимофеев сказал: Тебе, де, Колобов, наветки дает, чтоб ты шел навоз возить. И он, Колобов, с того от них пошел и навоз стал возить. При том же на другом хлеве саженьях в 10-ти лежал хворой колодник Антон, а чей (Л. 27) не знает и слышел ли те их слова — не знает же, ибо он, Антон, весьма был болен. Дано 35 ударов.

Колобов сказал: На хлеве с ними, Тимофеевым и Охлестой, бывал не один раз, токмо таких слов от Тимофеева не слышал; и хворый колодник на другом хлеве лежал в красные дни всякой день и остался от него хвор. От Тимофеева таких речей, что с[ы]на де хозяин бранит, а тебе де наветки дает, чтоб ты шел навоз возить — не слышал; и навозья возил из двора до обеда, а вместе сидели перед вечером.

Сентября 7 числа Афонасей Охлеста вторично за собою слово и дело ц[о]су[д]а[р]ево сказал, такое, что в прошлом 1734 году в вешнее время ходил он, Афонасей, Нижегородской губернии с городецким жителем — посадским человеком Васильем Петровым сыном Кошкиным (которой Городец от Нижнева 30 верст) — из Нежнева в Ярославль на хлебном судне в работе. И, поворотясь, пошли с ним в дома. И, будучи у него в Городце в доме ево, жил дни с три. Показывал он ему, Афонасью, как делают д[е]нги малые оловянные копейки. И при том же и чеканы старых полушек. И оными не делает. А делает оные копейки у себя под избой в погребе. И кладет те чеканы и денги в том погребе в стене за каменя и замазывает глиною. Зделанные же д[е]нги, от[ъ]ехав, в других городех употребляет на всякую покупку. И его после того он, Афонасей, не видал. И о том прежде сего никому не доносил затем, что он, Василей, при показании онаго ево страсчал: что ежели де про то кому скажешь, то де жив не будешь. И более донести кроме того (донести не знает).

Алексея и Михаила при том других, кто б оное слышел, не было. И из оных, Алексей или Михайло, не упомнит, тут ево стали бранить, что де ты дурак, сукин с[ы]н, врешь, за то голову отсекут. (Л. 28 об.) И он, Василей, сказал: За что голову отсець — никого не браню. И после того долго спустя в великой пост перед святою н[е]д[е]лю, будучи при машине, побранился он, Василей, с Алексеем, и в той брани Алексей сказал: добро де, помню я, что ты в яме говорил. А после того, идучи в яму с Михаилом, спрашивал, чем ему, Василью, грозит Алексей и на тебе де ссылается. И Михайло ему сказал: Помнишь ли де, что в мясоед говорил — то де худо очень ты говорил. А болше того ничего не бывало. И после того взяли его, Василья, с того, как он, Михайло, хотел бежать и по тому делу респрашивали. И он тогда на него, Василья, показал, хотя про то яму никто и не сказывал — токмо он сам догадался с той брани и памятовал. От других же ни от кого таких противных речей не слышал. А сам что з глупа врал — в том пред Ея императорским величеством виновен.

3. Свидетель Алексей Володимеров сказал. Как они были на руднике, и он работал с Михайлом Алексеевым, а Василей Марков с Архипом Якимовым, и Василей говорил о императоре Петре Втором: Что ездил на охоту — бог де ему не дал долгова веку. Да при том же говорил: Император де Петр Первый — бог ему век продлил для того, что де старины держался или старой веры (того подлинно он, Алексей, сказать не может для того, что бил молотом и не все выслушал). И те слова были зимю, а когда подлинно — не упомнит. И как Василей те слова говорил, то он, Алексей, сказал ему: Знал бы ты свое — бил молотом; что тебе такие слова говорить. А слышел ли то или нет — не знает, для того что он, Василей, ему на то ничего не сказал. И после того, как работали на машине все трое вместе, то оной Василей лениво работал и много говорил. И хотя не было никаких непристойных слов, токмо он, Алексей, ему говорил: Полно тебе, Василей, врать, и так ты уже много наврал. И как те слова о императорах слышел — доносить не смел, думал, что ему в том не поверят. А от других ни от кого таких слов не слышал.

Того ж числа доносителю Алексееву с Марковым же дана очная ставка, на которой показали.

1. Михайло Алексеев сказал: Чаёт, что те слова были в великий пост, а подлинно не упомнит.

2. Марков сказал, что подлинно не помнит — до масленой или в великой пост на первых н[е]д[е]лях.

3. Алексеев о словах про г[о]су[д]а[р]я[н]ию императрицу сказал, что подлинно он, Василей, те слова говорил при Алексее. И как он те слова выговорил, то Алексей ево выбранил. И он болше ничего не стал говорить.

4. Марков сказал, что виноват — подлинно те слова говорил. Того ж числа оной Марков пытан и сказал, что говорил те все слова з глупа, а з другими ни с кем не говорил. И от других никого не слышал. Дано ему 35 ударов.

РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.475. Л.25—28 об. Подлинник.

№ 3. 1765 июня 7. Допрос отставного драгуна И. Д. Пушкирева в Исетской провинциальной канцелярии по делу о самозванце Ф. И. Каменщикове-Слудникове.

(Л. 373) Иваном де ево зовут Дмитриев сын по прозванию Пушкирев, от роду ему пятьдесят лет. В службе находился в Уфимском драгунском полку драгуном, ис которого и отставлен в прошлом 1764-м году в осеннее время. И в верности службы Ея Императорскому Величеству присягал и военной артикул ему читан был. И жителство он имеет Уйской линии в степной крепости, где имеет дом, жену и детей. А сего 1765-го году великого поста на страстной неделе просился он, Пушкирев, у градскаго той крепости командира подполковника Коверина, чтоб отпустить для собственных ево надобностей до города Казани, почему и отпущен был с пашпортом. И едучи в Казань, в Варламовой слободе в доме крестьянина Долганова, а как зовут, не знает, в то ж время был же показанной по сему делу чебаркулской казак Федор Иванов сын Слудников (Л. 373 об.) и Алтынной Глаз, которой содержался в Троицкой крепости под караулом. А что де он под караулом был и бежал, о том де ему сказывал сам. И подзывал ево, Пушкирева, чтоб с ним ехать в Петербург, объявляя ему, что де он едет для прозбы по ево делу за неполучением от Троицкой градской канцелярии удовольствия. И обещал ему за тое езду дать денег на месяц по рубли. А при том проговаривал, чтоб во первых с ним съездит Долматова монастыря х крестьянину Козме Мерзлякову. И быв они в той слободе Слудников у Долганова и он, Пушкирев, у разных людей три дни. И взяв он, Слудников, у Долганова две лошади, мерина соловаго, да жеребца серого, а пятен не упомнит, а за денги ль или без денег, про то не знает. И ехали они мимо Челябинской крепости по загороду, а в крепости ни у кого не были. И, приехав в Мияскую крепость, он, Пушкирев, во оной у казака Ипата, а чей пишется, не знает, начевал одну ночь. А оной Слудников, не начевав, поехав, сказал ему, чтоб дожидатся в Калматской Броде и ево бы тут доискался. И по начевании он, Пушкирев, приехал в Калматской Брод и оного Слудникова доискался в доме у крестьянина, а как зовут, не знает. И по приезде ево оной Слудников, не мешкав ни минуты часа, поехали обще. И дорогою он, Пушкирев, ево, Слудникова, спрашивал, как он ис Троицкой ушел, на что он сказал, что ис команды ево приезжали (Л. 374) драгун два человека и ходили об нем к полковнику Воейкову, чтоб ево отдал. Но он де, полковник, ево не дал. И оные драгуны якобы приходили к нему в тюрьму и велели, ежели де можно, выходить, почему он и ушел. И приехали на монастырской двор к вышепоказанному крестьянину Козме Мерзлякову, у которого были два человека Буткинских крестьян Семен, да Никита, а чьих пишутся, не знает. И начевали ночи с четыре. И один раз оной Слудников обедал той заимки у пономаря, а как зовут и чьих пишется, не знает. И в то ж время он, Пушкирев, у него, Слудникова, спрашивал, с чем де он в Петербург едет, дабы им не было какой худости. На что он сказал, чтоб с ним еще ехал Усть Теченской деревни до крестьянина Дениса Жернакова, где он — зачем в Петербург едет — ему, Пушкиреву, и объявить, а оттоль чтоб с ним ехать и в Масленскую слободу.

А у него де есть команда и товарищ генерал Дмитрий Васильев сын Волков. А между тем приехал ко оному Мерзлякову оной канцелярии роты салдат Алексей Фрушкин, которой с ними у Мерзлякова отобедав, и поехали все обще и оной Мерзляков. Приехав в Устьтеченскую деревню в дом к вышеписанному крестьянину Жернакову, где салдат Фрушкин, отобедав, уехал в Долматов монастырь. А он, Пушкарев, с показанным Слудниковым начевал одну ночь. И, видя ево в словах несправедливость, и не объявляя в той деревне никому, что оной — беглой казак, возвратился пешком обратно. А Мерзляков на лошади домой поехал. А оной Слудников дал (Л. 375) ему, Пушкареву, на дорогу денег пятнатцать копеек. И остался з буткинскими крестьянами у оного Жернакова. И оттоль куда уехал — не знает. А он, Пушкарев, не дошед до дворца, набежав на него Шадринской канцелярии служители, а кто они таковые, не знает, толко из них одного прозывает Бутной, и взяли ево и привезли в Шадринскую канцелярию, в которой и был допрашиван, а в допросе то ж сказал, что и выше сего показал. Напред сего он, Пушкарев, в воровствах, штрафах, подозрениях и в криксректах, фергерах и наказаниях нигде не бывал. И в сем допросе сказал сущую правду и ничего не утаил.

ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1808. Л.373-375. Копия.

№ 4. 1765 не ранее 20 июня. Допрос крестьянина Маслянского острога Михаила Бухвалова по делу самозванца Ф.И.Каменищикова-Слудникова в следственной комиссии капитана С.Метлина и прапорщика С.Посохова.

(Л. 326 об.) Михайло Бухвалов со увещанием добровольно и за необъявление истинны под битьем плетми показал. В прошлом 1764-м году в мае месяце по выбору Маслянского острогу и Барневской слободы старостами Маслянского Ивана Торопова, Барневской Ефима Шахматова с соотники и мирскими людьми для сочинения и лутчаго составления ко отбывательству от заводских работ к посылке куда надлежит челобитной к содержащемуся под караулом казаку Слудникову в Троицкую крепость Барневской слободы крестьянина Ивана Дежнева з данным ему выбором послали. Також и случившемуся под сквозом отправленной из Маслянского острогу подушного збору денежной казны крестьянину Осипу Морковкину от народу было приказано, чтоб по отвозе в Ысецкую провинцию оной казны, быть ему, Морковкину, в реченной Троицкой крепости и во всем по данному означенному крестьянину Дежневу приговору иметь к тому согласию общество. И что при том происходит будет, по возврате обо всем ему в народ объявит. Почему он, Морковкин, возвратяс ис Троицка в Маслянской острог обще с крестьянином (Л. 327) Дежневым, вышеписанным старостам Торопову, Шахматову, сотникам и мирским людям объявили, что с вышеписанным казаком Слудниковым в Троицке видялис и к сочинению ко отбыванию от заводских работ челобитны согласие имели и выхвлялис. А потом и вторично в сентябре месяце по мирскому Маслянских и Барневских крестьян согласию к реченному ж казаку Слудникову в Троицкую крепость для сочинения и лутчаго составления ж челобитны выбранные человеки — Маслянского острогу Василей Качилов, Барневской слободы Иван Дежнев — посланы были. Он, Бухвалов, в тех согласиях и выборах

был. И с теми челобитчиками до Троицкой крепости он, Бухвалов, от миру с выбором (писанным Маслянского острогу пищиком Максимом Калгановым) послан был же. И в той крепости он со оными челобитчиками, Качиловым и Дежневым, к показанному содержащемуся под караулом казаку Слудникову к тюрьме для совету к лучшему согласию и составления ко отбывательству от заводских работ челобитной ходили и ево о том просили. На что от него, Слудникова, им было объявлено, что он к вышеписанному их намерению во всем вспоможение учинит был готов, но за содержанием ево под караулом то учинит не может. Почему он, Бухвалов, с вышепоказанными челобитчиками в Маслянской острог и возвратились. А по возврате об оном мирском старосте Максиму Лобанову с сотники и мирскими людьми от них обо всем том объявлено. По которому их объявлению оными старостою Лобановым с сотники и мирскими людьми для посылки вышеписанных челобитчиков в Санкт Петербург со стороны Маслянской (Л. 327 об.) крестьянину Качилову распоряжаемо и збирано было денег с наличных по пятнадцати копеек с человека. А что собрано и старостою Лобановым оному Качилову отдано, також и со стороны Барневских крестьян челобитчику ж Дежневу денег сколько дано, он, Бухвалов, не знает. А потом оных челобитчиков с данным о челобитье ко отбывательству от заводских работ мирским приговором и с черною челобитною отправили в Петербург того ж 764 году ноября в первых числах. И где оные их челобитчики ныне находятся, и что происходит о том — он не знает. А сего 1765 году по приезде означенного казака Слудникова ис Троицка в село Охлупневское он, Бухвалов, обще с крестьянином Осипом Морковкиным для составления ж от отбывательства от заводских работ челобитной в Маслянской острог для взятья прежде производимых ими о упорствах дел ездили. И оные дела от мирских пищиков Конана Авдюшева и Еремея Шишкина взяли и вышепоказанному казаку Слудникову по привозе отдали при бывших тогда у оного Слудникова крестьянех Якове Матросове, Василе Ульянове, Саве Жукове, которые к тому написанию и составлению челобитя оного казака обще с ними, Бухваловым и Морковкиным, просили. А как оной Слудников ис Троицка приехал, то о переименовании фурииром согласие у него, Бухвалова, обще с крестьянами Осипом Морковкиным, Семном Тюшняковым, Максимом Лобановым, Назаром Максимовым, Илей Биринцовым было. А Василя Козмина, Якова Горбовских и Егора Пугина при том их согласии (Л. 328) не было. Будучи ж ныне у них, реченной казак Слудников с Буткинского озера по зву л чьему он или сам собою вторично и кем в село Охлупневское х крестьянину Константину Жукову приезжал, и священник Пинжаков волею ль или из за принуждения к присяге крестьян приводил (за не бытием ево при том), в которое время был он в поле, зачем и у присяги не был. Также и Шадринской канцелярии розсылщик Иван Чернавской тем казаком Слудниковым плетми сечен ли и об означенном беглом казаке и самозванце Слудникове хозяин, где он квартиру имел, Константин Жуков, что он беглой казак и самозванец, знал ли, и каким случаем он к нему на квартиру приехал или кто ему по отводу показал, или ж ис пути привезен кем, да и Шадринской канцелярии от присланных для сыску и поимки оного беглого казака и самозванца Слудникова розсылщик Михайла Черкашенина с товарищи в предосторожность

им собравшимся Масляным и Барневским крестьяном объявлено было л, чтоб ни в чем ево беглого казака не слушатся, но изволя привести в Шадринскую канцелярию под караулом, а крестьян, которые им, Слудниковым, посажены под караул, всех ис под караула освободить, на что тем розсылщиком от народа объявлено было л же, да и тех крестьян они вышущат без ведома помянутого ложноназывающаго фуриира не смеют, да и где он (Л. 328 об.) находится не объявляли, а хотя бы де оной Слудников розсылщиками и отыскан был, но взять ево и в Шадринскую канцелярию отвести, не знаемо для чего, не отдали б — за небытием ево. Бухвалова, в приезд означенных розсылщиков обо всем том он не знает. А в то время был он, Бухвалов, в доме своем. С крестьян на оного казака Слудникова по шести и Буткинского крестьянина Семена Косенка по одной копейке с человека располагаемо и збирано не было. А одежда на оном казаке была казачья: кафтан синего сукна и волосы подстрижены по казачьи и вместо сабли на нем имелась шпага. Ко отбывательству ж от заводских работ протчих приписных к заводам слобод крестьяна согласия с ними не имели. Напржеде сего он, Бухвалов, по силе учиненной Его сиятельством генерал квартирмейстером княз Александр Алексеевичем Вяземским за ослушание ко отбывательству от заводских работ резолюции наказан был плетми, а в протчем утвердился на прежде взятом от него в Шадринской канцелярии допросе.

ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1808. Л.326 об.-328 об. Копия.

№ 5. 1782 ноября 14. Донесение Тобольского и Пермского генерал-губернатора Е.П.Кашикина генерал-прокурору Сената князю А.А.Вяземскому по делу о поселщице С.Каликине.

(Л. 1) Сиятельнойший князь! Милостивой государь!

В отправленном от меня с сею почтою донесении к вашему сиятельству имел я честь упомянуть о вывезенном из Ташкинии поселщице Степане Каликине, который прислан ко мне от господина генерал порутчика Огарева в том, что называл он себя полковником и генералским сыном и имел непристойной разговор: во-первых, спрашивал о его высочестве государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче — он ли н[ы]не государем; потом — о бывшем третьем императоре, что нет ли его в Ташкинской стороне, не берут ли рекрут и нет ли какой баталии. По произведенным же в Тобольском наместническом правлении в присутствии моем допросам показал он, что полковником и генералским сыном называл себя для того, что в проезд его из Ташкинии с ташкинцем (Л. 1 об.) Сақыжаном оной киргисцами был спрашиван, какой человек и откуда везется. То боясь, чтобы, узнав его, не захватили, просил сказаннаго ташкинца объявить им, что везет в Россию потому, что полковник и генералской сын, — почему киргисцы и пропустили. А кроме сего случая нигде он не назывался. По привозе же в Семиполатную крепость напився он, Калинин, пьян и, будучи в квартире сержанта Федоровскаго, в разговорах спрашивал, его ли высочество Павел Петрович н[ы]не царствует — на что ему Федоровской ответствовал, что царствует государыня Екатерина Алексеевна. Напротив того еще им, Калининым, спрошено было о бывшем Третьем Императоре Петре Феодоровиче. А когда от Федоровскаго объявлено, что Петр Феодорович давно скончался, то и он, Калинин, выговорил: Нет ли ево в

Ташкинской стороне? А сие произошло от того, как он, Калинин, был в Ташкинии, то слышал от находящегося там муллою ссыльного казанскаго попа Алексея Иванова (у котораго ноздри рваны и на лбу, и на щеках имеются знаки; которой носит на себе платье ташкинское и имеет жен числом шесть), будто бы (Л. 2) тот бывшей император Петр Феодорович жив, в Ташкинии. На то он, Калинин, сказал ему, что он лжет; в России был Третьей Император и давно скончался; а хотя именем его ложно и назывался Емелка Пугачев и имел войну в России, но и тот пойман и казнен. За то оной ссылкой поп ударил его, Калинина, в лицо и при том выговорил, что ему сказывал про то русской же человек, пришедшей из Бухарии, Гришка, а чей прозывается — не знает, а только сказывается из бурлаков с Волги. С чем и разошлись. И более никаких ни о чем разговоров у них не было. Что ж оной Калинин у вышеписанного сержанта Федоровскаго спрашивал о баталии в России и о рекрутском наборе, то, во-первых, о баталии — потому, что ему в киргизской стороне в Табуллинской волости у старшины Букончиби один киргизец выговаривал, якобы их киргисцов в российския крепости захватили, и они будут за то держать бой; а о рекрутском наборе употребил речь с простоты, по глупости своей.

(Л. 2 об.) Из вышепрописанных случаев, хотя и не предусматриваю ничего достойнаго уважения, — а самой простолюдимой разговор после семилетней из отечества отлучки. Но, упомянув о сем поселыщике в первом моем донесении, должностью себе поставил и о сем бывшем обстоятельстве донести. С совершеннейшим высокопочитанием и преданностью называясь.

Милостивой государь!

Вашего сиятельства покорнейший слуга Евгений Кашкин.

В Тобольске 14-го ноября 1782-го.

Помета на л. 1 сверху: По секрету.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2614. Л.1-2 об. Подлинник.

№ 6. 1789 июля 31. Рапорт камышинскаго коменданта премьер-майора А.Панчулидзева правителю саратовскаго наместничества генерал-поручику И.Г.Нефедьеву о допросе беглаго крестьянина Т.Грошева ("Метлина").

(Л. 9) Высокородному и высокопревосходительному господину генерал порутчику Саратовскаго наместничества правителю и разных орденов кавалеру Илье Гавриловичу Нефедьеву.

Камышинскаго коменданта примьер майора Панчулидзева

Рапорт

Сего июля 30 числа явился ко мне назвавшийся запорожским козаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным, которому в канцелярии и учинен мною допрос. Но как оной Метлин показал весьма великое несогласие с подлинным ево состоянием, то и навлек на себя мое внимание и подозрение. И потому, окончав я начатой ему допрос, взял ево к себе и начал спрашивать одного секретно, доказав ему наперед, что он действительно козак не запорожской, потому что я в Сечи сам бывал и что я знаю многия там города, селения и их положение — следовательно и укрыть себя от точнаго звания никак не может. В чем он, Метлин, тотчас и признался и показал, что он именно яицкой козак, зовут ево также Тимофеем

Сергеевым сыном Метлиным; бежал он из самого Урала из тюрьмы назад тому недели с три, а которого числа — не упомянет. В тюрьму же посажен был атаманом Данилою Дмитриевым сыном Донским за то, что он, Метлин, и з братьями приглашаем был к важным (Л. 9 об.) и злоумышленным предприятиям, на которое мы и не согласились. А после того, будучи я на вестях у него ж, атамана Донского, и видя, что он идет через сени с старшиною Степаном Ранневым и говорят блаженной памяти о покойном императоре Петре Третьем, что я услыша — приклонился к уголку, чтоб меня не видали. А они говорят: Согласны ли все. На что Раннев сказал, что все согласны, только де малая часть партии Окутиных з братьями не согласны. А когда де они окончили речь, то я сказал им, что из етова опять выдет дурное и что де будет, есть ли узнает все милостивейшая государыня. То оной атаман, осердясь, закричал караульным и велел посадить меня в тюрьму, из которой я помощью судьи Семена Окутина, да есаула Давыда Мартемьянова ночью выкраден. Которыя и сказали мне: Ступай де туда, куда сам знаешь. На что я им сказал, что я де пойду прямо в Сенат. А они де мне сказали: Хорошо. Ступай з богом. А потому я ту же ночь и выпроважен был в одной рубахе означенным судьей и есаулом на их собственной подводе и с их работником до самых Узеней на озеро Комыш Самару. И оставя меня у тамошних роскольников стариков, у которых и пробыл я с неделю. А после того пошел прямо в город Камышин объявить о себе, дабы из оного доставлен был к главной команде. А на конец сказал, что де я, где следует, и более объявлю, и что опять выдет скоро прежнее злоумышление, которое весна и откроет. (Л. 10) Я, отобрав у него сей допрос, читал ему два раза, напоминая, точно ли он в том стоит и утверждает. На что сказал мне, что точная то правда, и что, хоть голову отсекут, а я в том стою. Которого при сем за строжайшим присмотром, а равно как прежней, так и сей допросы с сотником Чебиревым при сем к вашему высокопревосходительству препровождаю. Подлинной подписал комендант Александр Панчулидзеv. Читал секретарь Василий Антонов.

Ч[исла] 31 июля 1789 года. Камышин.

Помета на л. 9 над текстом: По секрету.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2751. Л.9-10. Копия.

№ 7. 1789 августа 6. Допрос беглого крестьянина Т.Грошева в канцелярии генерал-губернатора Воронежского и Саратовского генерал-поручика В.А.Черткова.

(Л. 5) Присланной от господина генерал поручика Саратовскаго губернатора и кавалера Ильи Гавриловича Нефедьева показавший себя у него уральским козаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным в канцелярии его высокопревосходительства господина генерала поручика правящаго должность генерала губернатора кавалера Василья Алексеевича Черткова 6 числа августа 1789 года показал:

Что уроженец он Симбирской губернии, вотчины князя Петра Михайловича Волхонскаго, Головцевой Покровскаго тож, крестьянина Сергея Иванова сына Грошева сын Тимофей, веры греческаго исповедания, грамоте читать и писать не умеет. Назад тому восемь лет, оставя жену свою Варвару и сына Егора Грошевых, бежал из показаннаго села Головцевой и, пришед в город Уральск, жил у разных тамошних старшин, яко то у Степана Иванова

сына Бударина, у Абрама Мартемьянова сына Бродина и у Ивана Федорова сына Баннаго, по фальшивому паспорту под именем Потапа Крашенинникова по март месяц сего года. А из Уральска с братом своим родным Маркелом, из военной службы бежавшим, прежде его, Тимофея, в Уральск пришедшим, да сверх того еще с четырьмя товарищами, откуда они родиною — ему неизвестны, всего в шести душах, пошли в марте месяце для плотничной работы в город Гурьев. Которым в дороге, не доходя 15 верст фарпоста Привор[от]ного, попались в виде разбойников на лошадях шесть человек похожие на запорожцов, вооруженные, у коих имелись ружья, сабли и пистолеты, а лошадей у каждого по две. (Л. 5 об.) И по поимке его, Тимофея Грошева, с товарищи, посадя на свои лошади, увезли мимо Гурьева степью к своей станции у Каспийского моря лежащей, называемой Черни. А оттуда перевезены уже на киргискую сторону в лотках бежавшими из Урала прошлой осени татарами и доставлены в станцию, называемую Ембу. Где теми татарами представлены были по примечанию его Грошева к какому то козаку (которой росту средняго, лицом бел с рябинами, волосы ж вокруг подрезанные, на голове и на бороде черные, глаза карие, нос с горбом орлиной), называемому теми татарами именем якобы покойнаго Петра Федоровича. Который, вышед из палатки к нему, Грошеву, с товарищи, подал руку, которую с приказания предстоявшего при нем какаго-то казака целовали. И пробыли при сей станции дней шесть. При коем самозванце находится людей из русских сот до двух, живут на острове в шалашах из камышу поделанных, вооруженные ружьями, саблями и копьями. И при палатке две медныя небольшие пушки. Где будучи, слышал он, Грошев, что тот самозванец намерен будущаго 1790 года осенью, умножа силу, войти ночью в Оренбург. О чем он, Грошев, узнав, старался всячески уйти. И с двумя товарищами его, Васильем и Яковом Васильевыми, оставя своего брата и прочих двух товарищей, бежали. И по побеге он, Грошев, явился у Камышинскаго коменданта Панчулидзева с таковым же показанием по увещанию тамошнего протопопа, по имени и прозванию ему неизвестнаго, к коему приходил с просьбою (Л. 6) о отпетии молебна. А оные Васильевы остались в болотных местах Комыш Самары у кочующих тамо разных беглых людей, называющихся старцов, которые ему, Грошеву, объявили, что ежели они за побегу прощены будут, и исходатайствует он, Грошев, в том высочайший указ, то они с собратиею готовы, когда повелено будет, итти в воинскую службу и того самозванца при данной им команде поймают и представят. Который допрос ему, Грошеву, читан неоднократно даже и в присутствии его высокопревосходительства господина генерала порутчика и кавалера Василья Алексеевича Черткова. И он, Грошев, на сем допросе утвердился, сказывая, что точная то правда, и что он жизнию в том отвечает.

Читал с подлинным секретарь Василей Антонов.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2751. Л.5-6. Копия.

К.И.Зубков

КАК РОЖДАЛАСЬ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ХАРТЛЭНДА

В ряду многих известных — и менее известных — имен, с которыми на рубеже XIX—XX вв. было связано рождение гео-